

Педантизм и магия

Памяти Владимира Шухмина

Пройти вдоль нашего квартала,
Где из тяжелого металла
Излиты снежные кусты,
Как при рождественском гаданье.
Зачем печаль? Зачем страданье,
Когда так много красоты?
Но внешний мир — он так же хрупок,
Как мир души. И стоит лишь
Невольный совершить поступок:
Задел — и ветку оголишь.

Давид Самойлов

1. Введение

Педантизм является одной стороной невроза навязчивых состояний, или обсессивно-компульсивного невроза. Мистичность, магия является его противоположной стороной. В настоящей статье мы хотим исследовать взаимосвязь между этими двумя противоположными, но увязанными в одно явлениями.

В самом начале психоанализа, в его предьстории, когда в экспериментах и трудах Шарко, Бройера и Фрейда (см. [Бройер—Фрейд 2005] факт, что истерия и обсессия являются двумя наиболее универсальными типами невротического отреагирования, двумя типами невротической защиты, был в каком-то смысле совершенно не случаен, как неслучайным было и само возникновение психоанализа. Некое культурное открытие всегда является Ответом на Вызов (с точки зрения философско-исторической доктрины А. Дж. Тойнби), то есть, скажем, открытие теории относительности было Ответом на Вызов, который заключался в неудовлетворенности культурой ньютоновским пониманием пространства и времени. Но, в свою очередь, открытие теории относительности породило различные культурные параллели и подражания (скажем, понятие темпоральной релятивности организовало в целом такой важный для массового сознания XX века тип дискурса, как научная фантастика). Мы хотим сказать, что когда мы в XX веке находим культурные аналогии противопоставлению истерического и обсессивного, эти аналогии не будут обыкновенным постмодернистским упражнением «на смекалку», а достаточно органичным проявлением актуальности открытий Фрейда и его коллег, подтверждением того, что эти идеи «носились в воздухе».

Кажется, что наиболее соблазнительным было бы сравнить механизмы obsessions и истерии соответственно с тоталитарным закрытым сознанием, ориентированным на ритуал и запрет, и демократическим открытым сознанием, ориентированным на спонтанность. На это можно возразить, что в демократии запреты не менее важны, чем в тоталитаризме (системы рычагов и сдерживаний как основа стабильности демократического государства), но на это возможен контраргумент, в соответствии с которым в истерическом поведении также есть свои правила и что, более того, в «природе» не меньше запретов, чем в «культуре», просто их фундаментальное различие состоит в том, что природные запреты, природная «грамматика» естественна и спонтанна, а культурная грамматика навязана человеком самому себе. Так или иначе, здесь, безусловно, речь идет о диалектике, а не формальной логике. Всего лишь один пример в пояснение этого тезиса. Руссоистский «отказ от культуры», призыв вернуться к природе, который вроде бы должен соответствовать демократически-попустительскому, истерическому в широком смысле началу (слово «попустительский» мы употребляем в том значении, в котором оно употребляется в книге А. И. Сосланда «Фундаментальная структура психотерапевтического метода» [Сосланд 1999]), где авторитарные, ориентированные на ритуал и запрет, — obsessive в широком смысле — классические школьные психотерапии противопоставлены ориентированным на открытость и спонтанность, неавторитарным, эклектическим, попустительским, «истерическим» в широком смысле психотерапевтическим подходам), на самом деле приводит к авторитаризму и террору французской революции. И наоборот, капиталистические стратегии, ориентированные на деньги, то есть как будто бы анально-садистический по своему истоку комплекс, приводят к тому самому попустительскому демократическому открытому общественному строю.

Более интересными и содержательными являются не столь глобальные аналогии. Так, например, безусловной культурной параллелью ранне-психоаналитической актуализации истерии и obsessive невроза как двух полюсов невротической защиты были некоторые направления европейской культуры начала XX века. Приведем опять-таки лишь один, но самый выразительный пример. В истории музыки начала XX века наметилось два противоположных направления: первое, так называемый нововенский экспрессионизм — Шенберг и его ученики, — было ориентировано на жесткие запреты и экспликацию числа, это была, безусловно, obsessive музыка. Суть ее состояла в том, что композиция осуществлялась на основе 12 неповторяющихся звуков, серии (отсюда название этого направления — додекафония (двенадцатизвучие), или серийная музыка), которые затем продолжали повторяться, варьируясь лишь по жестким законам строгого контрапункта. Характерно, что в качестве иллюстрации того, что такое новая венская музыка, один из главных композиторов и теоретиков этой школы Антон Веберн приводил магический квадрат — один из самых известных каббалистических магических символов [Веберн 1972: 83]. Противоположным, «истерическо-попустительским», направлением в музыке той же эпохи был так называемый неоклассицизм (один из наиболее ярких представителей этого направления — Игорь Стравинский). Здесь композиция строилась на включении в ткань произведения любых типов художественного языка или дискурса предшествующих эпох — музыкального фольклора, городской музыки (воен-

ных маршей, романсов), ритуальной музыки, например, григорианского хора, многочисленных цитат из музыкальной литературы — то есть фрагменты любых произведений любого композитора. Таким образом, если в первом случае господствовал педантизм и навязчивое повторение, то во втором — «истерическо-попустительский» принцип «делай, что хочешь».

Безусловным проявлением той же оппозиции было противопоставление в культуре XX века репрессивного логического позитивизма и попустительского экзистенциализма, а также авторитарного структурализма и «делай-что-хочешь»-постмодернизма. Эти противопоставления настолько очевидны, что на них нет смысла подробно останавливаться.

2. «И равнодушная природа...»

Но здесь возникает парадокс. Ведь что такое пресловутое «навязчивое повторение»? Оно соответствует общим биологическим ритмам в жизни ребенка и даже взрослого человека. Регулярность удобна, и регулярность — это культура. Но ведь существуют повторения и в природе независимо от человека. Смена ритмов дня и ночи, времен года, холода и жары, дождя и солнца. Получается, что природа не только истерична, как полагал, в частности, Кречмер, писавший в книге «Об истерии», что истерическая реакция — это природная, животная реакция. Например, почуяв опасность, немедленно убежать или наоборот застыть. Истерия природна, она спонтанна и континуальна [Кречмер 1996]. Но получается, что ритмичность природы «навязчиво-педантичная» смена дня и ночи, зимы и лета, делает природу обсессивной. Этот парадокс снимается тем, что в определенном смысле «природу» придумала культура. Природа ведь сама себя не осознает как природу, она не понимает ритмов смены дня и ночи, лунных циклов и т. д. Все это навязал природе человек, семиотизируя ее. Как и само слово «природа» придумал сам человек. Пока нет слова «природы», нет и самой природы.

Мне думается, что невозможно представить себе неоформленную незнакомую материю (так же, впрочем, как нематериализованный знак). Камень, лежащий на земле, невозможно оторвать от высказывания о том, что камень лежит на земле. Невозможно, не пользуясь словом «камень» или каким-либо еще словом или сочетанием слов, означающим «камень», помыслить и увидеть камень, лежащий на земле. На возражение, что камень лежал там многие тысячи лет, я могу ответить, что, по моему мнению, то, что там лежало, не было реальностью. Представьте себе, что нечто, о чем вы не имеете ни малейшего представления, находится в каком-то состоянии, которое вы не можете описать. Вот это и будет тот камень, который лежал на земле тысячу лет назад. Он не был камнем, так как не было слова камень, и он не лежал, так как не было слова «лежал». Конечно, мы можем предположить, опираясь на геологические или археологические данные, что там лежали какие-то камни, и вокруг них, возможно, ползали даже какие-то живые существа. Но если бы мы занимались археологией, то было бы неуместно ставить проблему, что такое реальность. И люди научились заниматься археологией далеко не сразу. И научившись ею заниматься, они тем не менее продолжали сомневаться относительно природы реальности (см. также [Руднев 2000]). В созданной культурой природе не меньше запретов, чем в самой культуре. Например, детеныш гориллы не имеет право есть пищу, пока не съел взрослый

самец. В муравейнике обязанности строго распределены: то, что делает трудовой муравей, не должен делать трутень. То же самое в пчелином улье. И так далее.

Природа истерична только как «вещь в себе»; та природа, которая сама себя не понимает. Здесь уместно вспомнить «Философию имени» А.Ф. Лосева, который говорил о «феноменологии ощущения», которое он представлял как «крик неизвестно кого неизвестно о чем» [Лосев 1991]. Это и есть истерия! Природа же, созданная культурой, вполне педантична: весна регулярно сменяет зиму и т.д. Соответственно природа и садистична — ураганы, землетрясения, бури, циклоны, цунами. И наконец природа и магична — неизведанные явления, неопознанные летающие объекты, снежный человек, бермудский треугольник. Влияние планет друг на друга — весь комплекс проблем, которым занимается астрология. И можно даже сказать, что природа анальна — умирая, мы возвращаемся в природу превращаясь в хаос, в энтропию, а проще говоря, в навоз. Энтропия это и есть фекалии, отбросы.

Вообще, что касается природы, созданной нашим интеллектом, то она обладает почти всеми психическими расстройствами. Зимняя депрессия сменяется летней гипоманией. «Равнодушная природа», о которой писал Пушкин, — это «шизоидная» природа, так называемая «мертвая», одинокая природа — море, скалы, заснеженные вершины гор. Это «аутистическая» природа. Упомянутые уже природные катаклизмы — бури, землетрясения и т.д. своей напряженностью напоминают эпилептоидный аспект психики. А белоствольные березки и плакучие ивы — ее психастенический аспект.

3. Человек перед светофором

Как ананксты регулируют судьбу? Они делают это при помощи своеобразного гадания. Код ананкаста — бинарный код: налево пойдешь, коня потеряешь, направо пойдешь, полцарства найдешь. Если ананкаст встречает женщину с полным ведром, значит, можно идти вперед, если с пустым, — он возвращается. Чаще всего он склонен возвращаться, так как стратегия компульсивного — это стратегия непринятия решения, «блокирующая будущее» [Гёбссатель 2001].

В чем особенность мышления компульсивного человека? В том, что он все время видит во всем знаки: благоприятные или неблагоприятные. Мир полон примет. Пустое ведро или полное — это значит: можно идти или нельзя. Это означает, в частности, что семиотика обсессивно-компульсивного носит деонтический характер, существует в режиме «можно», «нельзя» или «должно», в то время как истерическая семиотика существует в аксиологическом режиме «хорошо», «плохо», «безразлично» (подробнее см. также главу «О сущности безумия книги [Руднев 2005]).

Для обсессивного сознания «Это стол» может означать либо нечто позитивное, либо нечто негативное. Например, он, видя стол, может начать навязчиво повторять: «Где стол был яств, там гроб стоит». Тогда стол для него будет знаком чего-то неблагоприятного. Напоминанием или предостережением о смерти или о том, что еда — это только путь к смерти. Вообще письменный стол — довольно важный навязчивый объект для компульсивного человека, особенно если он принадлежит к людям, занимающимся умственным трудом. Известно, что разборка письменного стола, раскладывание всего по местам, может заменить для ком-

пульсивного саму работу, так как для такого поведения в принципе, как показал Виктор фон Гёбсаттель, очень трудно какое-то позитивное становление.

Таким образом, семиотика обсессивно-компульсивного сознания имеет много вещей, но мало значений. В сущности, все сводится к двум значениям: «благоприятно» и «неблагоприятно». Семиотика обсессивного сознания мистически-рационалистична, поэтому традиционно она считается мужской и, добавим, левополушарной семиотикой. Истерическая семиотика желания традиционно считается женской (и, стало быть, правополушарной) — она связана с эмоцией и желанием. Из этого можно сделать нетривиальный вывод, то есть скорее выдвинуть гипотезу, что нормы закреплены за левым полушарием, а желания и эмоции — за правым, что, в общем, соответствует нашим представлениям о работе полушарий, проанализированным, в частности, в трудах Л. Я. Балонова, И. Б. Деглина и их учеников [Деглин—Балонов—Долинина 1983].

Оба типа невроза связаны с избеганием осуществления желания, но обсессивно-компульсивный это делает напрямую, путем механизма защиты изоляции аффекта (как установил Фрейд в работе «Торможение, симптом и страх» [Freud 1981]), в то время как истерический механизм защиты — вытеснение — работает в режиме наращивания аффекта. При этом обсессивный изолирует из вещи в событие (пустое ведро — никуда не пойду), а истерик вытесняет из события в вещь (дали пощечину — невралгия лицевого нерва [Брилл 1999]). При этом характерно, что событие обсессивно-компульсивного это минус-событие, а вещь истерика это квази-вещь. В этом их родство и противоположность депрессивной антисемиотике, где редуцируются как вещи, так и события [Руднев 2002].

Рассмотрим классическую семиотическую ситуацию светофора. Вот человек стоит на перекрестке, а светофор показывает красный свет. Как поступит анакаст? Разумеется, он не будет переходить дорогу на красный свет. Более того, он, пожалуй, сочтет это плохим предзнаменованием и вообще повернет назад. Он подумает: «Вот если я сейчас подойду к перекрестку и будет зеленый цвет, значит, все в ближайшее время будет хорошо. Если будет красный свет, то плохо, а если желтый, то, допустим, никак». Но поскольку семиотика обсессивно-компульсивного тяготеет к бинарности, для него желтый свет это так, лишь переход либо к красному, либо к зеленому. И вот для анакаста (или не обязательно анакаста, — для человека у которого по тем или иным причинам в ситуации перед светофором сработала обсессивно-компульсивная реакция, ситуация светофора спровоцировала эту реакцию), для такого человека или при такой реакции знаки светофора будут магически усилены. Светофор для анакаста это больше, чем светофор, это распутье — направо пойдешь, полцарства найдешь, налево пойдешь, коня потеряешь. И вот он, если он действительно анакаст, для него вся жизненная книга будет состоять из таких развилок. А если у этого человека просто сработала по тем или иным причинам обсессивно-компульсивная реакция, он пройдет этот светофор или свернет направо и забудет про этот эпизод. То есть даже не то, что забудет. Он у него и не актуализируется в сознании. В плане «механизмов жизни» в ситуации анакаста перед светофором будет задействована *изоляция* аффекта от реальной прагматической обстановки.

А как поведут себя другие характеры перед светофором?

Истеричка при виде красного цвета может просто перебежать дорогу, лавируя между машинами, потому что для нее закон не писан. «Подумаешь красный свет.

Мне-то какое дело. Я спешу и пойду, куда мне надо». Что здесь происходит с семиотической точки зрения? Красный цвет деконвенционализируется, он превращается отчасти в икон. «Ага, мне что-то запрещают! А я вот назло возьму и пойду». Истерик реагирует на знак телесно, потому что само его тело знаково, оно представляет собой «вывеску симптомов». И это означает, что он не обязательно победит на красный свет. Если он или она находится не в состоянии двигательной бури, а напротив, скажем, у него истерическая хромота или плохое зрение, тоже истерически опосредованное, он может демонстративно начать плаксивым голосом спрашивать у прохожих, какой свет там горит, можно ли переходить, или нельзя, привлекая таким образом всеобщее внимание (истерическая демонстративность или деиксомания, по А. И. Сосланду [Сосланд 1989]). В плане механизмов защиты здесь срабатывает истерическое вытеснение — она как будто перестает понимать, что такое правила перехода через перекресток и что означает красный свет.

А вот интересно, что будет делать депрессивный человек, оказавшись у нашего светофора? Конечно, он не пойдет на красный свет. Но, более того, он может не пойти и на зеленый. Он просто остановится и начнет себя жалеть или в чем-то обвинять. (Механизм защиты — интроекция.) Он может вообще не заметить светофора, ведь семиотическое восприятие у него ослаблено. Какой там свет горит? Красный, зеленый или синий, какое это имеет значение, когда все так ужасно. А если так все ужасно, то красный свет светофора может спровоцировать его на самоубийство — возьмет и бросится под машину. Гипоманиакальный человек, скорее всего, побежит на красный свет, потому что он всегда торопится. Эпилептоид будет тупо ждать, когда красный свет сменится зеленым. У него может вызвать дисфорическую злобную реакцию само наличие препятствия, но правил нарушать он не станет. А параноик? У него всегда один знак (подробно см. главу «Язык паранойи» книги [Руднев 2002]). У ревнивца — это знак измены жены. Красный цвет может для него означать, что жена наверняка пошла к любовнику в красном платье. А если зеленый свет, то в зеленом. А если желтый, то в желтом. Цветов много — правда одна. Механизм защиты — проекция.

Шизоид перед светофором может задуматься. Красное — символ крови, заходящегося заката, заката жизни, или наоборот заря новой жизни, что-то такое отвлеченно возвышенное, природа-культура, сырое-вареное. Он задумается и простоит здесь на этом перекрестке полчаса в размышлениях. Знаков много, а значений на порядок больше. Всегда есть над чем подумать. Механизм защиты здесь — отрицание, в данном случае отрицание прагматического технического назначения светофора.

4. О чем невозможно говорить

Поразительную связь навязчиво-компульсивного характера с магией и мистицизмом представляет собой личность и творчество Людвиг Витгенштейна, в частности его главного произведения «Логико-философский трактат», в котором, с одной стороны все формально построено на цифрах, все параграфы зарубрицированы (1.0, 1.1, 1.1.1, 1.1.2 и так как далее до шести цифр в обозначении одного параграфа (об огромной роли цифры и числа как символа педантизма (пунктуальности) при obsессии в ритуально-мифологическом мышлении см [Руднев 2002, Топоров 1980, 2002]) а с другой стороны, в самом конце гово-

рится о *мистическом*, которое не может быть вообще высказано, а может только проявлять, показывать себя.

Сам Витгенштейн будучи шизотипической личностью [Руднев 2001, 2004а], обладал мощным обсессивно-компульсивным радикалом в своей личности. Обсессивным в жизни Витгенштейна является прежде навязчивое повторение одного и того же сценария. Схема сценария такая: Витгенштейн занимается чем-то чрезвычайно важным и существенным — исследует философские проблемы логики, читает лекции в Кембриджском университете. Потом вдруг это ему надоедает, и он перемещается на совершенно другую территорию — уезжает из Вены и становится деревенским учителем, уезжает из Англии в СССР с намерением там остаться и стать рабочим. Тем не менее вскоре это ему тоже надоедает, и он, вкусив этой редуцированной в социальном смысле жизни, возвращается назад и принимается за новое серьезное дело.

Помимо навязчиво повторяющихся сценариев биографические данные позволяют найти ярко обсессивные черты не только на границах биографических периодов, но и внутри них.

Вспоминая о своем доме на Алеегассе, Витгенштейн не раз подчеркивал, что в доме было *девять* роялей. В Берлине в 1906 году Людвиг активно посещал оперу. По его словам, он ходил на спектакль «Нюрнбергские Мейстерзингеры» *тридцать раз*. Фаня Паскаль, например, учившая его в Кембридже русскому языку, утверждала в своих воспоминаниях, что видела том «Преступления и наказания» Достоевского, где рукой Витгенштейна были *проставлены ударения в каждом слове* (см. [Паскаль 1994]).

Интересную обсессивную историю из деревенской жизни Витгенштейна рассказывает его биограф Уильям Бартли:

Витгенштейн находился в Траттенбахе уже второй год, когда во время масленицы <...> крестьянин Трахт, как обычно, отправил Витгенштейну вместе с одним из учеников жареные пирожки. Но мальчик, уже стоя на пороге комнаты Витгенштейна, съел два пирожка. На следующий день на уроке учитель спросил его: «Сколько пирожков ты съел у меня?» Ученик, пораженный тем, что Витгенштейн узнал о его поступке, густо покраснел и пролепетал: «Я съел два пирожка». Тогда Витгенштейн похвалил его за правдивый ответ и вместо наказания объяснил ему, что Трахт вложил в пакет незамеченный им листок бумаги, на котором стояла цифра «13», чертова дюжина [Бартли: 225].

А вот о постройке доме на Кундмангассе:

В сущности, любой дом весь состоит из деталей, и Витгенштейн руководил их построением почти с фанатической скрупулезностью. Когда слесарь спрашивал его: «Скажите мне, господин Инженер, неужели для вас так важен каждый миллиметр?», Витгенштейн, еще не дождавшись конца вопроса, рычал: «Да!» <...> Радиаторы, которые задувал Витгенштейн, ставились целый год, потому что в Австрии не нашлось того, чего хотел Витгенштейн, и детали пришлось выписывать из-за границы [Монк: 236].

(Подробно о жизни и произведениях Витгенштейна с психопатологических позиций см. написанную нами биографию великого философа [Руднев 2002а]).

Но вернемся к «Трактату». Это формализованное, и крайне педантичное произведение, посвященное логике, странным образом граничит с мифологическим текстом вроде упанишад, «Алмазной сутры» или «Бхагаватгиты».

Проанализируем, к примеру, такой ключевой параграф из «Трактата»

4.014 Граммофонная пластинка, музыкальная тема, нотная запись, звуковые волны — все это находится между собой в таком же внутреннем отношении отображения, которое имеется между языком и миром. Все они имеют общий логический строй.

(Как в сказке о двух юношах, их лошадях и их лилиях. Все они в определенном отношении одно).

Мы будем исходить из того, что Витгенштейн, живя и мысля в самом эпицентре неомифологической культуры (Вене первых двух десятилетий XX века), построил гениальный неомифологический проект культурного сознания (о витгенштейновской Вене см. подробно [Janik-Toulmen 1973]), который зашифровал в наиболее адекватной для него форме квазилогических откровений.

Прежде всего, о какой сказке идет речь в 4.014? Речь же идет, несомненно, о сказке братьев Grimm «Золотые дети» (N 85). В ней говорится о том, что золотая рыбка, пойманная стариком, предложила ему расчленив себя на шесть частей, две из них дать съесть жене, другие две дать съесть лошади, а оставшиеся две закопать в землю. От съеденных старухой кусков родились два золотых близнеца (те самые два юноши), лошадь родила двух золотых жеребят («их лошади»), а из двух закопанных кусков выросли две золотые лилии. Когда один из братьев был в отлучке, если с ним происходило нечто дурное, лилии привядали, если же один из братьев бы умер, лилии увяли бы совсем, так что второй брат, находясь в разлуке с первым, но, имея при себе лилии, всегда мог узнать, как идут дела у брата. Именно в этом смысле юноши, лошади и лилии — одно: генетически, а не только проективно, они все сделаны из одного золотого «слитка», из кусков золотой рыбки.

Прежде всего здесь приходит в голову известное место из книги Люсьена Леви-Брюля «Первобытное мышление» (1912):

Пшеница, олень и гикули (священное растение) являются в известном смысле для гуичолов одной и той же вещью [Леви-Брюль 1994: 102] (ср. там же об отождествлении племени бороро с красными попугаями).

Эти три мифологические субстанции образуют примерно такой же, как в сказке братьев Grimm, трансформационный круг, когда одно образуется из другого. Книга Леви-Брюля играет особую роль в наших рассуждениях, поскольку Леви-Брюль во многом под видом особенностей первобытного мифологического (так же как и Витгенштейн он предпочитает употреблять слово «мистический») мышления на самом деле описывает рецепцию этого мышления нарождающейся неомифологической культурой, для которой не менее, чем для архаического сознания, важны, и ценны неразличение текста и реальности, вера в мистическую силу сновидений, понимание языка как действия (=теория речевых актов) и многое другое. Парадоксальным образом книга, описывающая мышление дикарей, по сути, описывает современное ей неомифологическое сознание, а логический трактат является мифологическим построением.

Но действительно ли раздел 4.014 играет столь важную роль для понимания «Трактата»? Кажется, что это именно так, ибо здесь идет речь об одном из определяющих принципов его идеологии: о том, что язык является отражением реальности, построен изоморфным по отношению к реальности образом, что

элементы языка и реальности взаимно отражают друг друга. Граммофонная пластинка и звуковые волны — это элементы реальности; музыкальная тема и нотная запись суть элементы языка. Тот факт, что Витгенштейн их не разделяет, а приводит вперемежку («граммофонная пластинка, музыкальная тема, нотная запись, звуковые волны...»), весьма многозначителен. Витгенштейн тоже не противопоставляет язык и реальность. У него нет идеи, что звуковые волны и пластинка, с одной стороны, и музыкальная тема и нотная запись, с другой, суть онтологически противоположные объекты. Для Витгенштейна нет проблемы разделения материи и сознания, реальности и текста, так как он не является ни материалистом, ни идеалистом в традиционном смысле — в одном месте «Трактата» он прямо говорит, что идеализм (солипсизм) и материализм (реализм) это одно и то же, если они строго продуманы (5. 64).

Что же получается? Пластинка и звуковые волны, реализм и солипсизм, этика и эстетика (6.422) — все это, если разобраться, одно и то же. Витгенштейн в «Трактате» говорит, что имена (и дескрипции) не обладают смыслом, различие между смыслом и значением начинается только на уровне пропозиции: «3.142 Выражать смысл могут только факты, класс имен этого не может; 3.3 Только пропозиция имеет смысл; только в пропозиции имя обретает значение». И так, Витгенштейн отвергает дихотомию смысла/денотата для имени.

Можно ли, отказавшись от этой дихотомии, продолжить и усилить эту мысль, заявив, например, что Земля и Луна — в определенном смысле одно? Что они имеют общий логический строй? Мифологическая мысль действует по ассоциации. Земля круглая и Луна круглая. Они логически изоморфны, взаимно отражают друг друга. Когда-то, может быть, они были одним, а потом отделились и теперь связаны невидимой мистической связью. Можно ли сказать, что Витгенштейн это письменный стол, на котором лежит «Логико-философский трактат»? Можно ли сказать, что Витгенштейн и «Логико-философский трактат» это одно и то же? Я могу сказать: «Дай мне, пожалуйста, Витгенштейна, он лежит там, на столе», имея в виду, конечно, книгу «Логико-философский трактат».

Удивительным образом шесть кусков золотой рыбки, превращенные в три пары взаимно изоморфных объектов, соответствуют шести главным онтологическим терминам «Трактата», также разделенным на три пары. Это «простой предмет» (Gegenstand) — наименьшая часть субстанции мира, — которому в языке соответствует «простое имя»; далее это «положение вещей» (Sachverhalt) — элементарная констелляция простых предметов, — которому в языке соответствует понятие «элементарной пропозиции»; наконец, это «факт» (Tatsache) (в возможных мирах ему соответствует «ситуация» — Sachlage) — констелляция положений вещей, основной элемент для построения мира как акциденции (1–1.2), которому в языке соответствует пропозиция.

Предмет (1) и имя (2) — близнецы, как два юноши; то же самое — положение вещей (3) и элементарная пропозиция (4); то же самое — факт (5) и пропозиция (6). И самое главное, в определенном смысле можно сказать, что все они — одно. Имя не фигурирует в языке самостоятельно, так же как предмет не фигурирует самостоятельно в мире. Имя фигурирует в языке только в составе элементарной пропозиции, а предмет в мире — лишь в составе положения вещей. В этом смысле «стол» и «Это стол» для Витгенштейна одно и то же, потому что не существует такого контекста, где имя «стол» функционировало бы само по себе. Даже

в словаре имя существует неразрывно со своим определением. С другой стороны, любая пропозиция логически сводима к элементарной пропозиции, является ее функцией истинности. Поэтому, например, пропозиция «Витгенштейн великий философ» и условно элементарная пропозиция «Это Витгенштейн» — одно и то же. Итак, шесть сущностей: «предмет» Витгенштейн, его картина — «имя» Витгенштейн, «положение вещей» — «Это Витгенштейн», его картина — «элементарная пропозиция» — «Это Витгенштейн», «факт» — «Витгенштейн — великий философ» и его картина — «пропозиция» — «Витгенштейн — великий философ». Все это, по сути, одно и то же.

Обратим внимание на то, что все три пары сказочных объектов, представленных в разделе 4.014, являются объектами повышенной мифологической значимости. Близнецы — один из наиболее универсальных мифов. При этом близнецы могут представлять собой зеркальную пару — летнее/зимнее, светлое/темное или даже белое/черное. Таким образом, два юноши-близнеца (в мифологии они могут быть как союзниками, так и антагонистами; возможно, что в выборе этого образа сыграл также свою роль гомосексуализм Витгенштейна) олицетворяют главную логическую коллизию «Трактата»: членение Реальности на существующее и несуществующее положения вещей и, соответственно, членение речи на истинные и ложные пропозиции. При том пропозициональном фетишизме, который наблюдается в «Трактате», значение этого противопоставления трудно переоценить. Оно, безусловно, является чем-то равнозначным светлому и темно-му началам инь и ян китайской мифологии «Книги перемен».

Конь связан с идеей миротворения, а кстати, и всеобщего отождествления (ср. в «Брихадараньяка-Упанишаде»: «Мир есть конь») и с мировым деревом. Лилия отождествляется одновременно с девственностью и плодородием. Напомним, что все шесть объектов — золотые. Что получается вместе? Некие бессмертные Диоскуры на конях с элементом моноэротизма, и при этом настолько взаимозависимые, что их можно считать проявлением одного начала.

Как понять мысль Витгенштейна, что фактами являются и пропозиции? «Идет дождь» — это одновременно и факт, и пропозиция, описывающая факт, так как бессмысленно говорить о том, что идет дождь при том, что некому сказать, что идет дождь. Если некому сказать, что идет дождь, то это равносильно тому что дождь не идет или неизвестно идет он или нет.

5.1361. Выводить событие будущего из событий настоящего невозможно.

Суеверием является вера в такую причинную связь.

Отсутствие представлений о причинной связи между событиями — одна из наиболее существенных черт первобытного мышления [Леви-Брюль 1994: 59]. В то же время, все пропозиции-факты в «Трактате» тотально связаны логической связью, которая носит контагиозный характер. Из любой сложной пропозиции можно вывести посредством применения операции последовательного Отрицания элементарную пропозицию. Любая пропозиция сводима к общей форме пропозиции «Дело обстоит так-то и так-то». То есть, с одной стороны, все в мире «Трактата» на позитивном уровне причинного здравого смысла разрозненно (тот факт, что завтра взойдет солнце, — лишь гипотеза (6.36311), но, с другой стороны, все факты-пропозиции связаны тотальной логической свя-

зью, они сворачиваются в одну пропозицию, и из одной пропозиции разворачивается весь мир, совокупность истинных пропозиций-фактов. Ясно, что такая картина мира гораздо ближе к «Даодедзину», «Книге перемен», «Бхагавадгите», «Брихадараньяка-упанишаде», «Дхваньялоке», Библии, чем к «Principia Mathematica» Б. Рассела—А. Н. Уайтхеда.

Итак, мы наблюдаем в «Трактате» некое двоемирие: абстрактный субстанциональный мир простых объектов и имен и реальный мир фактов (возможный мир ситуаций) и пропозиций. Когда включается механизм реального мира, начинается процесс взаимного отождествления: предмет соответствует имени, положение вещей — элементарной пропозиции, факт (ситуация) — пропозиции. При этом все шесть номинаций могут отождествляться перекрестно. Поэтому мир Трактата носит черты контагиозной магичности. Имя «стол» соответствует объекту «стол», но имя никогда не встречается отдельно — только в пропозиции, хотя бы в условно элементарной пропозиции «Это стол». Поэтому имени «стол» не существует вне сферы возможности быть данным, «иметься» (*gegeben sein*). Стол это и есть «Это стол». Стол — это и имя и предмет, и положение вещей и элементарная пропозиция, и факт и пропозиция.

Человек-машина

Вильгельм Райх, первый психоаналитик-характеролог, назвал компульсивную личность «живой машиной» [Райх 1999].

Современный психолог Дэвид Шипиро сравнивает компульсивных с пилотами, летящими на самолете и становящимися как бы частью машины:

Итак, погружение в технические детали занимает место реакции на реального человека или событие. Восприятие обсессивно-компульсивного человека можно сравнить с восприятием пилота, который летит ночью или в тумане, и все приборы у него работают прекрасно. Он может вести самолет, как если бы все видел ясно, но при этом ничего не воспринимал непосредственно; он воспринимает лишь индикаторы, обозначающие другие вещи [Шапиро 2000: 45]

Действительно, педантизм, число, играющее в принципе огромную роль при обсессии, является символом машины, в общем-то, любой машины, но, прежде всего, компьютера. Бинарность кода электронно-вычислительной машины соответствует бинарности как неотъемлемой черты поведения ананкастов, которые, как правило, осуществляют выбор из двух альтернатив — можно или нельзя выйти из дома, полное ведро или пустое ведро, благоприятная ситуация или неблагоприятная. Но что такое понижение тревоги, как не погружение в автоматизм. Тревога помимо того, что она служит сигналом симптома, оживляет, *пробуждает* личность. О позитивной экзистенциальной роли тревоги см. книгу Ролло Мэя «Смысл тревоги». Ср., например, такой фрагмент:

Самореализация — то есть выражение и творческое использование способностей индивидуума — может происходить, только когда человек сталкивается с вызывающими тревогу переживаниями и двигается сквозь них. <...> Двигаясь сквозь вызывающие тревогу переживания, человек ищет и частично достигает реализации своего Я [Мэй 2001: 319].

Ананкаст действительно порой напоминает заводную игрушку (в чем он, естественно, не виноват). В русской литературе наиболее яркие примеры человека-машины это, как правило, чиновники (недаром существует выражение «бюрократическая машина») – Алексей Александрович Каренин, Аполлон Аполлонович Аблеухов, Иван Дмитриевич Червяков («Смерть чиновника» Чехова).

Про своего мужа Алексея Александровича Анна Каренина говорит, что он «злая машина»:

Вообще он скажет со своею государственною манерой и с ясностью и точностью, что он не может отпустить меня, но примет зависящие от него меры остановить скандал. И делает спокойно, аккуратно то, что скажет. Вот что будет. Это не человек, а *машина*, и *злая машина*, когда рассердится, – прибавила она, вспоминая при этом Алексея Александровича со всеми подробностями его фигуры, манеры говорить и его характера и в вину ставя ему все, что только могла она найти в нем нехорошего, не прощая ему ничего за ту страшную вину, которою она была пред ним виновата (курсив мой. – *В. Р.*).

Каренин говорит, как автомат, отчетливо выговаривая слова. Ср. также следующий фрагмент:

...он старался удержать в себе всякое проявление жизни и потому не шевелился и не смотрел на нее. От этого-то и происходило то странное выражение мертвенности на его лице, которое так поразило Анну.

<...>

Все, что постигнет ее и сына, к которому, точно так же и к ней, переменились его чувства, перестало занимать его. Одно, что занимало его теперь, это был вопрос о том, как *наилучшим, наимприличнейшим, удобнейшим* для себя и потому *справедливейшим* образом отряхнуться от той *гязи* (ср. с мезофобией: у Фрейда: «чистоплотность любовь к порядку и добросовестность – суть образования реактивные, это реакция на склонность к нечистому, постороннему, мешающему не принадлежащему к собственному телу» [Фрейд 1991:153] (т. е. к фекалиям. – *В. Р.*), которою она забрызгала его в своем падении, и продолжать идти по своему пути деятельной, честной и полезной жизни.

В момент душевного перелома с Алексеем Александровичем происходит странная вещь, он перестает временно быть ананкастом, что, прежде всего, проявляется в том, что он начинает неправильно говорить:

– Да, вы только себя помните, но страдания человека, который был вашим мужем, вам не интересны. Вам все равно, что вся жизнь его рушилась, что он пеле... пеле... пелестрадал.

Алексей Александрович говорил так скоро, что он запутался и никак не мог выговорить этого слова. Он выговорил его под конец пелестрадал. Ей стало смешно и тотчас стыдно за то, что ей могло быть что-нибудь смешно в такую минуту. И в первый раз она на мгновение почувствовала за него, перенеслась в него, и ей жалко стало его. Но что ж она могла сказать или сделать? Она опустила голову и молчала. Он тоже помолчал несколько времени и заговорил потом уже менее пискливым, холодным голосом, подчеркивая произвольно избранные, не имеющие никакой особенной важности слова,

– Я пришел вам сказать... – сказал он...

Она взглянула на него. «Нет, это мне показалось, — подумала она, вспоминая выражение его лица, когда он запутался на слове пелестрадал, — нет, разве может человек с этими мутными глазами, с этим самодовольным спокойствием чувствовать что-нибудь?»

Машина «Алексей Александрович» стала ломаться, начиная с речевой деятельности, что стало началом его, правда, временного, но подлинного *пробуждения*, когда он получил *шок*, связанный с рождением девочки у Анны от Вронского и ожидаемой им смертью Анны после родов. Напомню эти фрагменты:

Душевное расстройство Алексея Александровича все усиливалось и дошло теперь до такой степени, что он уже перестал бороться с ним; он вдруг почувствовал, что то, что он считал душевным расстройством, было, напротив, *блаженное состояние души*, давшее ему вдруг *новое, никогда не испытанное им счастье*. Он не думал, что тот христианский закон, которому он всю жизнь свою хотел следовать, предписывал ему прощать и любить своих врагов; но *радостное чувство любви и прощения к врагам наполняло его душу*. Он стоял на коленях и, положив голову на сгиб ее руки, которая жгла его огнем через кофту, рыдал, как *ребенок*. Она обняла его плешивеющую голову, подвинулась к нему и с вызывающею гордостью подняла кверху глаза.

Ср. далее о развитии сознания, в сущности, индивидуации Алексея Александровича:

Он стоял у постели больной жены и в первый раз в жизни отдался тому чувству умиленного *сострадания*, которое в нем вызывали *страдания других людей* и которого он прежде стыдился, как вредной слабости; и *жалость к ней*, и *раскаяние* в том, что он желал ее смерти, и, главное, самая радость прощения сделали то, что он вдруг почувствовал не только утешение своих страданий, но и *душевное спокойствие*, которого он никогда прежде не испытывал. Он вдруг почувствовал, *что то самое, что было источником его страданий, стало источником его духовной радости, то, что казалось неразрешимым, когда он осуждал, упрекал и ненавидел, стало просто и ясно, когда он прощал и любил* (курсив мой. — В. Р.).

В сущности, толстовский Каренин временно обрел начатки Совести, стал пробужденной личностью с характерной трансформацией негативных эмоций в позитивные. Жалость к другим, а не к себе, сострадание и любовь, душевное спокойствие, ясность — все это характерные признаки пробужденного или, во всяком случае, пробуждающегося сознания. Тот факт, что в дальнейшем течении романа Каренин потерял это позитивное человеческое высшее состояние души и снова превратился в фальшивую мертвую машину и характерным образом занялся модной тогда великосветской магией (спиритизмом) и ритуальной религиозностью, обусловлен тем, что его временное пробуждение не было результатом сознательных усилий, а явилось следствием жизненного стресса.

Толстой изображает механическое поведения человека как неискреннее, ложное поведение. Это, как правило, связано у него с отчетливо артикулированной правильной речью, как у Каренина до перелома. Например, князь Василий в «Войне и мире», крайне неискренний и фальшивый человек, говорит, «как актер говорит роль старой пьесы»:

Ежели бы знали, что вы этого хотите, праздник бы отменили, — сказал князь, по привычке, как *заведенные часы*, говоря вещи, которых он и не хотел, чтобы верили.

Человек-машина может говорить только ложь, потому что правды он просто не знает.

Речь таких героев Толстого остроумно охарактеризовал Д. С. Мережковский, обыгрывая фразу о лошади Вронского Фру-Фру, о которой в романе сказано, что она была из тех животных, «которые, кажется, не говорят только потому, что механическое устройство рта им не позволяет этого». «Можно сказать о некоторых действующих лицах Л. Толстого, — писал Мережковский, — что они говорят только потому, что механическое устройство рта им это позволяет» [Мережковский 1914: 10, 56–57].

Мы назвали такого рода словоупотребления у Толстого, подчеркивающие механистичность и неискренность говорящего, «поэтикой деформированного слова» [Руднев 1988]. На противоположном полюсе такого ананкастического речепроизводства — искренний и живой сангвиник Платон Каратаев:

Он видимо, никогда не думал о том, что он сказал и что скажет, и от этого в быстроте и верности интонаций была особенная неотразимая убедительность. <...> Часто он говорил совершенно противоположное тому, что он говорил прежде, но и то и другое было справедливо (законы бинарной логики не работают в высшем сознании пробужденного человека, каким бы простым он не был, — и то, и другое — правда, правда не может быть *чем-то одним*. — В. Р.).... Каждое слово его и каждое действие выливались у него так же равномерно, необходимо и непосредственно, как запах отделяется от цветка. Он не мог понять ни цены, ни значения отдельно взятого слова.

Каратаевское слово перестает быть конвенциональным атрибутом человека-робота, оно становится таким же живым, как сам этот персонаж, которому было суждено сыграть решающую роль в духовном просветлении Пьера Безухова, а самому быть пристреленным французами на дороге, как собака.

5. «Фальшивый купон»

В этом разделе речь пойдет о магии денег. Деньги — анальный объект. Деньги эквивалент испражнений, недаром вор-медвежатник, очистив сейф, оставляет на месте преступления «кучу», чтобы символически возместить убыток (пример из «Лекций» Фрейда [Фрейд 1989]). Также известна латинская поговорка *non olet rescunia* — деньги не пахнут, — связанная с тем же комплексом проблем — она приписывается римскому императору Веспасиану Флавию, введшему плату за пользование общественными туалетами. Еще более интересна интерпретация того, почему люди любят читать, сидя на унитазе. По мнению Отто Фенихеля, они, вбирая в себя читаемое, тем самым компенсируют утраченное «сокровище» [Фенихель 2004]. Недаром также один из основных механизмов защиты при obsессии=компульсии наряду с изоляцией и реактивным образованием это «аннулирование» [МакВильямс 1998: 00], или «уничтожение сделанного» (здесь комментарии, мне кажется, излишни).

Итак, испражнения, согласно классическим психоаналитическим воззрениям, — это первый подарок, сокровище, который дарит ребенок родителям. Но он может и не подарить его, а оставить себе — в этом диалектика запоров и поносов. Скупость (=запор) Фрейд считал одно из главных черт (наряду

с педантизмом и упрямством) «анального» (то есть обсессивно-компульсивно-го) характера [Фрейд 1998а].

Прежде чем начать рассматривать повесть Льва Толстого «Фальшивый купон», главным героем которого являются деньги (недаром фильм, поставленный по этой повести Анри Брессоном, так и назывался — «Деньги»), поговорим о том, как деньги воспринимались и воспринимаются русским человеком.

Считается что, это ранний большевизм позаимствовал свою идеологию в первоначальном христианстве и что одной из ключевых черт этой идеологии был аскетизм и, в частности, безусловно отрицательное отношение к деньгам. В первоначальном христианстве не было такой институции, как церковь. Считается же, что это именно церковь строит храмы и собирает церковную подать. А Иисус ничего такого не завещал, он призывал к бескомпромиссной нищете.

Но так ли это?

Вспомним под этим углом зрения Священное Писание — и мы увидим, что это собрание историй, в которых, как ни странно, одну из главных ролей играют деньги. Притча о зарытых талантах. Хозяин там наказывает раба за то, что тот не пустил деньги в оборот. История с тридцатью сребренниками. Эпизод, который обычно называют *динарий кесаря*. (Мф, гл. 22, ст. 15 и далее): фарисеи, стараясь подставить Иисуса, задают ему вопрос: следует ли платить подать кесарю?

18. Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? 19. Покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. 20. И говорит им: чье это изображение и надпись? 21. Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак, отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу. 22. Услышавши это, они удивились и, оставивши его, ушли.

Вместо простодушия и нонконформизма фарисеи наткнулись на тонкого дипломата.

То, что деньги — это плохо, что они постыдная вещь и о них вообще не надо говорить, их не надо зарабатывать в больших количествах и т. д., все это пошло, конечно, от большевиков. Но каковы исторические корни этого взгляда? Можно с уверенностью сказать, что это не ортодоксальное христианство, скорее уж гностицизм или крайние, нигилистические проявления католичества — нищенствующие монашеские ордена.

Русские в массе своей никогда не понимали позитивной и антиэнтропийной, созидательной сущности денег, воспринимая их как гнетущее число, от которого надо поскорее избавиться, отсюда это сравнение денег с грязью, выражение «сорить деньгами». По-видимому, отчасти это связано с отсутствием анальных черт (скупоści, педантизма и упрямства) в русском национальном характере; по мнению М. Е. Бурно, русский национальный характер — это психастенический характер, то есть имеющий нечто общее с обсессивно-компульсивным (тревожные сомнения), но во многом противоположный ему (см. подробно [Бурно 1974]).

В Евангелии от Матфея также есть следующая притча:

«... человек, <...> отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его

силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, *употребил их в дело* (здесь и далее курсив мой. — В. Р.) и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета. И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел и получивший один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоившись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое. Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему *надлежало тебе отдать серебро мое торгующим*, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дается и преумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов...» (Матфей, 25, 14–30).

Л. Н. Толстой не просто хорошо знал Четвероевангелие, он, как известно, сделал свою сводную версию «Священного писания» — без чудес и воскресения. Толстой не признавал Христа сыном Божиим, он признавал только одного Бога, Бога-Отца. В этом смысле он был ближе к иудаизму, чем к православию.

«Фальшивый купон» построен как кумулятивная сказка, где одно сюжетное звено цепляется за другое. Простейшая кумулятивная сказка, по В. Я. Проппу [Пропп 1976], «Курочка Ряба», но не в адаптированной редакции Ушинского, а в исходном варианте Афанасьева:

Как у нашей бабушки в задворенке
Была курочка-рябушечка;
Посадила курочка яичушко,
С полки на полку,
В осиновое дупёлко,
В кут под лавку.
Мышка бежала,
Хвостом вернула —
Яичко приломала!
Об этом яичке строй¹ стал плакать,
Баба рыдать, верей хохотать,
Курицы летать, ворота скрипеть;
Сор под порогом закурился,
Двери побутусились, тын рассыпался;
Поповы дочери шли с водою,
Ушат приломали, Попадье сказали:

¹ Нищий, калека.

«Ничего ты не знаешь, матушка!
 Ведь у бабушки в задворенке
 Была курочка-рябушечка;
 Посадила курочка яичушко,
 С полки на полку,
 В осиновое дупёлко,
 В кут под лавку.
 Мышка бежала,
 Хвостом вернула —
 Яичко приломала!
 Об этом яичке строй стал плакать,
 Баба рыдать, верей хохотать,
 Курицы летать, ворота скрипеть,
 Сор под порогом закурился,
 Двери побутусились, тын рассыпался;
 Мы шли с водою — ушат приломали!«
 Попадья квашню месила —
 Все тесто по полу разметала;
 Пошла в церковь, попу сказала;
 «Ничего ты не знаешь...
 Ведь у бабушки в задворенке
 Была курочка-рябушечка...
 (Снова повторяется тот же рассказ.)
 ..... тын рассыпался;
 Наши дочери шли с водой —
 Ушат приломали, мне сказали;
 Я тесто месила —
 Все тесто разметала!»
 Поп стал книгу рвать —
 Всю по полу разметал!

Вот примерно так построен и «Фальшивый купон». Одно действие тянет за собой другое. Только в «Курочке Рябе» непонятно, почему поднялся такой шум (впрочем, яичко было в поздней версии Ушинского уже не костяное, а *золотое*, то есть анальное, тогда все становится более понятно (подробно интерпретацию этой сказки см. в первой главе нашей книги «Тайна курочки «Рябы» [Руднев 2004])).

Повесть «Фальшивый купон» начинается с того, что председатель казенной палаты Федор Михайлович Смоковников, «человек неподкупной *честности*», «ненавидящий всякие проявления *религиозности*, которые считал остатками *суеверий*», получил нагоняй от начальства. Губернатор написал ему «прегупную бумагу», из которой можно было бы вывести, что Федор Михайлович «поступил нечестно». Федор Михайлович очень «озлобился и написал колкий ответ». Вот, собственно, это экспозиция. Человеку сделали плохо — он ответил тем же: «*Плохое влечет за собой плохое*». В сущности, это инвариантное метавысказывание, характеризующее повесть «Фальшивый купон» в целом. Плохое влечет

за собой еще большее зло, и это зло растет в геометрической прогрессии. Вот в этом и состоит сюжет повести.

Здесь задействована буддийская идеология, которую Толстой в поздние годы (повесть была закончена 1904 году) очень хорошо знал. В целом здесь важны следующие понятия: понятие *кармы* и *круга сансары*. Буддизм учит, что сущность человека под влиянием его поступков постоянно меняется. *Поступая плохо, человек пожинает болезни, бедность, унижения*. Поступая хорошо, он вкушает радость и умиротворенность. Таков *закон кармы* (то есть морального воздаяния), который определяет участь человека и в этой жизни, и в будущих перевоплощениях. Этот закон составляет механизм *сансары*, который называется *бхавачакра*, *колесо жизни* или *круг сансары*. *Каждая мысль, каждое слово и дело* оставляют свой *кармический след*, который приводит человека к следующему воплощению. Цель буддиста — жить так, чтобы не оставлять кармических следов. Это значит, что его поведение не должно зависеть от желаний и привязанностей к объектам желаний. Высшую цель религиозной жизни буддизм видит в освобождении от кармы и выходе из круга сансары. В буддизме это состояние называется *нирваной*. Культура поведения в буддизме: так называемый восьмеричный, или средний путь составляет пять основных заповедей — не убей, не бери чужого, не лги, не пьянствуй, не прелюбодействуй (все эти грехи мы встретим на страницах «Фальшивого купона»), а также добродетели такие, как *щедрость, благонравие, смирение, очищение*.

Завязка повести состоит в том, что к Смоковникову приходит сын и просит причитающиеся ему карманные деньги. Отец выдавал ему по первым числам три рубля (начинается анальный обсессивный дискурс с числами (см. [Руднев 2000, 2002]). «Федор Михайлович нахмурился, достал бумажник и вынул купон в 2 ½ рубля, потом достал штучку с серебром и отсчитал еще пятьдесят копеек. Сын молчал и не брал». Оказывается, он задолжал три рубля под *честное слово* и просит дать ему еще три рубля вперед. Смоковников не только отказывается это сделать, но ругает сына, выражая *негативные эмоции* и агрессию, говорит «бранные слова» и, как пишет Толстой, «он был рад своему гневу». Механизм проекции, переложения с больной головы на здоровую, продолжается. В ответ сын отвечает тем же, он испытывает такую же ненависть к отцу: «Нет, — думает он, — хоть он и отец, а не люблю я его». Здесь уже видим отзвуки будущего «Тотема и табу» — ненависть к богатому, то есть потентному (эдипальная проблематика регрессивно окрашивается в анальную, поскольку это обсессивный дискурс) Отцу (для Толстого это равносильно ненависти к Богу-Отцу) и потенциальное пожелание ему смерти (это все еще впереди!)

Толстой считал в духе раннего доцерковного христианства, что только любовь может остановить ненависть (буддистская трактовка: только положительные, хорошие мысли и поступки могут остановить раскрутку кармического следа, круга сансары). Именно это и происходит на страницах повести. Митя Смоковников идет к своему приятелю гимназисту Махину, у которого есть уже усы, который живет в *грязной* комнатке, где пахло «душистым мылом и одеколоном» (типичное обсессивно-компульсивное сочетание грязи и чистоты). У Махина всегда были деньги. В этом анальном жилище происходит главное действие, запускающее механизм дурной кармы: Махин предлагает Мите подделать купон, написав единицу перед двойкой, чтобы вместо 2 с половиной руб-

лей было 12 с половиной, и сам подделывает купон. Гимназисты идут в магазин фотографических принадлежностей и там «спускают» фальшивый купон, торгуясь (анальная скупость [Фрейд 1998a]), жене хозяина магазина. После этого Митя расплачивается со своим долгом.

Хозяинмагазина фотопринадлежностей Евгений Михайлович заметил, что купон фальшивый и ругал жену («Дура косолапая!» – закричал он). В ответ жена возненавидела мужа так, что подумала о том, «как хорошо было бы, если бы он умер». Итак, неразменный фальшивый купон пошел гулять по свету, как осколки зеркала Тролля, или неразменный рубль, сея ненависть и смерть. Посмотрим, что было дальше. Дальше зло росло в геометрической прогрессии. Этот «волшебный предмет», своеобразный негативный фетиш, от которого все хотят избавиться, посеял еще много зла и ненависти. Хозяин магазина «спустил» купон мужику за дрова. Крестьянин Иван Миронов, которому Евгений Михайлович «спустил» купон, в трактире пытался заплатить им за обед, но приказчик ему сказал: «Ваши деньги не годятся» – и вызвал полицию. Ивана Миронова арестовали, а купон взял городской. Иван Миронов запомнил дом Евгения Михайловича и показал его полиции. Евгений Михайлович от всего отказался и велел дворнику Василию лжесвидетельствовать на суде, за что дал ему 25 рублей. Ложь – один из важнейших двигателей сюжета в литературе. Иван Миронов пропил оставшиеся деньги, за что беременная жена стала его ругать и бить. Он заплакал. Впервые (восстановить) обсессивный дискурс перебивается истерическим дискурсом. (Жена же, поняв в чем дело, «долго кляла разбойника барина» – Евгения Михайловича, хозяина магазина фотопринадлежностей, который «спустил» Ивану Миронову фальшивый купон). Адвокат взялся за дело Ивана Миронова не из-за денег, а из-за того, что был возмущен тем, как «бессовестно обманули мужика». Что-то первый раз хорошее, светлое. Дворник Василий лжесвидетельствовал на суде над Иваном Мироновым. Он откололся от деревни, город его развратил, он стал красть, украл кошелек Евгения Михайловича, тот уличил его и прогнал; Василий пошел в дворники к лавочнику, попался на краже, лавочник тоже уличил его и прогнал. Он истратил все деньги и пошел домой в деревню.

Здесь начинается вторая линия сюжета. Линия Петра Николаевича Свентицкого, таможенного чиновника, который на службе нажил 1800 рублей. Степан, его работник, будущий главный герой повести, заметил, что у хозяина украли коней; главным же конокрадом был Иван Миронов, тот самый, которого била жена за пропитые деньги и которого судили за фальшивый купон, «спущенный» ему хозяином магазина фотопринадлежностей Евгением Михайловичем. Линии I и II, таким образом, первый раз перекрещиваются. В дальнейшем линии все время будут перекрещиваться, что отличает сюжет «Фальшивого купона» от обычной кумулятивной сказки в сторону большей сложности. Петр Николаевич Свентицкий, у которого украли коней, старался найти вора и с тех пор не мог смотреть на мужиков без злобы, на всех мужиков вообще.

Здесь Толстой возвращается к Линии I. Жена хозяина магазина фотопринадлежностей Евгения Михайловича с тех пор как Махин «спустил» ей купон, стала приглядываться к гимназистам, узнала и уличила Митю Смоковникова. (Отметим, что с этого момента про купон вообще забыто, он так и остался у городского, и дальнейшая его судьба неизвестна). Зло распространяется теперь

имманентно. Отец и мать Мити Смоковникова узнали о том, что они с Махиным подделали купон, и велели ему все отрицать. Вновь ложь! Иван Миронов стал успешным конокрадом, но его поймали, и Степан Пелагеюшкин, работник Петра Николаевича Свентицкого, у которого украли коней, стал бить Ивана Миронова и камнем разбил ему голову. Первая насильственная смерть! Первое убийство! Убийц Ивана Миронова судили. Степан Пелагеюшкин на военной службе расстреливал солдат и поэтому был совершенно спокоен. В остроге, куда его посадили, он чуть не зарубил кошевара, за что ему прибавили год. Здесь отметим, что временно пропадает обсессивный дискурс, когда начинается повествование о садизме и насилии. Когда Степана выпустили, он зашел ночевать в дом мещанина на постоянный двор, который когда-то отбил у соседнего мужика жену. Степан об этом знал и убил их обоих, убил совершенно неотвратительно, не из-за денег, просто он стал маньяком-убийцей.

Здесь начинается Линия III, самая главная. В уездном городе жила некая вдова Мария Семеновна, «сморщенная, худая пятидесятилетняя женщина», «одна только содержала всех: у ней была пенсия в 250 рублей». Раз у нее работал хромой безногий портной. Мария Семеновна как-то прочитала ему нагорную проповедь из Евангелия, и портной задумался («Штирлиц задумался!»). Это начало кульминации, переломного момента в сюжете: Слово Божие. Здесь же намечается тема «текст и реальность»: реальность как нечто, подверженное дурной карме или, на языке теории информации, энтропии, и Слово Божие, сакральный Текст, который имеет свойство эту дурную карму перекрывать, блокировать, так как содержит бесценную информацию. (Подробно о противопоставлении текста и реальности как энтропии и информации см. нашу статью [Руднев 1986] и первую главу книги [Руднев 2000]). Тем временем (Линия II) Петр Николаевич Свентицкий, у которого украли коней, все хуже относился он к народу, и народ отвечал ему тем же: срубили у него 27 дубов и сожгли не застрахованную ригу и гумно. Свентицкий, как сказано у Толстого, «любил порядок», то есть был, можно сказать, педант; тем не менее агрессия в нем настолько накопилась, что он «избил крестьянина». (Вот он, ананкаст-то каков!) В ответ завязалась драка, и крестьяне забили Свентицкого до смерти. Над убийцами учинили военный суд, и двоих приговорили к повешению. Между тем (Линия III) портной начал сам толковать Евангелие под влиянием Марии Семеновны, и больше всех его слушал некто Иван Чуев, крестьянин с иконоборческими идеями «дескать, иконы — это доски» (противопоставление «иконического», «рукотворного» изображения конвенциональному «символическому» (по Пирсу!) Слово Божию. Чуев также критиковал своекорыстие церковников: «Даром получили, даром и давайте, а попы только за деньги свою благодать раздают». За такие речи православные избили Ивана Чуева. За богохульство власти его приговорили к ссылке. Опять каскад запрещенных действий и в ответ закон как месть (большое зло, по Толстому!) Между тем, Толстой вводит (непонятно, правда, зачем) Линию IV. Турчанинова, девушка-революционерка, кипящая «возмущением и ненавистью не только к строю, но и к людям, его представлявшим». Ее друга Тюрина (когда было возмущение народа против Свентицкого, он баламутил народ) арестовали. Турчанинову не пустили к нему в тюрьму, и тогда она купила револьвер и пошла (по обычаю тех лет) убивать министра (надо думать, внутренних дел). Она даже не смог-

ла выстрелить, «истерически расхохоталась», ее взяли, в камере она билась в истерике и т. д. Видимо, Толстому важно было для чего-то сбить одержимый дискурс хотя бы временно истерическим дискурсом. Ну что ж, ему видней! Тем временем (Линия III) Степан случайно попал в дом вдовы Марии Семеновны, той, которая читала Евангелие портному, и убил ее. (Как Раскольников Лизавету — ни за что, ни про что!) Но она в ответ не сопротивлялась — вот она кульминация, блокировка кармы — (*непротивление злу насилием*) — и только сказала ему перед смертью: «Ох! Великий грех. Что ты? Пожалей себя. Чужие души, а пуще свою губишь». И с убийцей-маньяком произошел перелом, так на него эти слова подействовали. (Здесь вспомним Джона Остина, автора теории речевых актов и книги «Как производить действия при помощи слов?» [Остин 1999]) и скажем, что это речевое действие было в высшей степени «успешным». Итак, «Степан полоснул ножом по горлу Марию Семеновну» и в первый раз встретился с непротивлением. Это его так поразило, что он сам сдался властям. Он не мог забыть ее голос, который говорил: «Разве можно?», пытался покончить с собой, потом стал компульсивно молиться (вспомним статью Фрейда «Навязчивые действия и религиозные обряды», где он прозорливо пишет, что обычные действия становятся навязчивыми, если в них привносится ритм (sic!): («Любая деятельность может стать навязчивой в широком смысле слова, если она осуществляется с небольшими добавлениями или если с помощью пауз и ударений ей придается ритмический характер» [Фрейд 2002: 24] (темы «поэзия и одержимость» мы касаемся в статье [Руднев 2000а] (как мы знаем, Толстой особенно злобно относился к церковным ритуалам и изобразил их сатирически в романе «Воскресенье»: «Священник надел на себя неудобный мешок» и т. д.) Сначала молитвы помогали Степану, потом перестали помогать. Вот для чего, видимо, нужен был эпизод с Турчаниновой — для контраста поведения заключенного в тюрьме: одержимого и истерического. (У великих писателей ничего случайно не бывает!)

Итак, подведем итоги — налицо ряд отождествлений: деньги= грязь=анальность=садизм=ложь=насилие=ненависть=смерть. И все это блокируется словами «сморщенной, пятидесятилетней старушки с пенсией в 250 рублей».

История перерождения Степана Пелагеюшкина, конечно, напоминает, не может не напомнить, историю папы Григория Столпника, изложенную в средневековом сборнике «Gesta romanorum» и затем благодаря гению Томаса Манна запечатленная в XX веке в его повести «Избранник». Григорий был великий грешник, в сущности, Эдип, он спал с собственной сестрой, потом с собственной матерью, но все это его так потрясло, что он 17 лет простоял на каменном утесе, так что превратился в какое-то сморщенное существо, и тогда кардиналы из Рима призвали его стать папой. К тому времени, 17 лет простояв на одном месте, он совершенно преобразился и принял этот пост со смирением. Но мы помним, что в анально-садистических делах эдипальный конфликт аранжируется регрессивно, то есть анально-компульсивно. «И он (Степан — В. Р.) опять читал молитвы, но молитвы уже не помогали». Молитвы механизировались, превратились путем описанного Фрейдом в работе «Торможение, симптом и страх» механизма *изоляции аффекта* [Freud 1981] в чистую одержимость. Но главное, что эта одержимость не выполняла своих защитных функций — она не снимала тревогу. Тогда Мария Семеновна явилась ему галлюци-

наторно, то есть Степан сменил механизм защиты обсессивно-компульсивной изоляции на сугубо психотическую экстраекцию (подробно об этом см. нашу статью «Феноменология галлюцинаций» [Руднев 2001]). И, сохраняя пока обсессивность, «до трех раз он спросил ее, прощает ли она его». Это, конечно, реминисценция к отречению Петра («И трижды пропел петух!»), но она ему ничего не сказала. И тогда он *проснулся*. Пробуждение у Толстого играет не меньшую роль, чем у Гурджиева (см. замечательную книгу Чарльза Тарта «Пробуждение» [Тарт 1998]). Пробуждение от сна жизни — это буддийская тема. В корейском романе «Облачный сон девяти» девять персонажей видят коллективный сон (у буддистов это бывает — «восток — дело тонкое!»), который представляет их жизнь, «круг сансары», потом они просыпаются от сна жизни в смерть, появляется буддийский монах и уводит их в нирвану (подробно см. нашу статью «Сновидение и событие» [Руднев 1994]). У Толстого это все приводится в сцене смерти князя Андрея в «Войне и мире» и в «Смерти Иван Ильича». Итак, Степан Пелагеюшкин проснулся, и ему вдруг полегчало.

В одной камере со Степаном сидели бывший дворник вор Василий, который когда-то лжесвидетельствовал по поводу купона на суде против крестьянина Ивана Миронова, и иконоборец Иван Чуев. «Чуев разъяснил ему, что евангельский закон в том, чтобы не молиться рукотворным богам, а поклоняться в духе и истине». Чуев читал Степану Евангелие от Матфея, главу XXV, ст. 31–46, где говорится о проклятии грешникам и прощении раскаявшимся, читает сцену казни Иисуса, когда Иисус говорит: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят, а над ним насмехались стражники, дескать, пусть спасет самого себя, как других спасал», «Один из повешенных злодеев злословил: «Если ты Христос, спаси себя и нас». Другой же разбойник сказал Иисусу: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое. И сказал ему Иисус: «Истинно, истинно говорю тебе: ныне пребудешь со мною в раю». Это уже Лука XXIII, 32–43.

Тогда Степан (он все еще действует в обсессивно-компульсивном «стиле» (см. [Шапино 2000]) отнял деньги у бродяг, которые они выиграла у богатого арестанта (здесь потихоньку вызревает тема «Левия Матвея», Матфея-мытаря, будущего Евангелиста). Его били, но он покорно принял наказание. Степан принял историческое решение — выучиться грамоте, чтобы читать Священное Писание самому. «Ему открылась тайна букв» и, как пишет Толстой, открылись «смысл» и «значение» (*Sinn und Bedeutung!* [Фреге 1971]), и одиночество теперь, не тяготило его; он познал радость приобщения к Большому Тексту. «Теперь не Чуев, а Степан читал в камере Евангелие, и палач Махоркин и вор Василий его слушали». В результате — блокировка «плохой кармы» и общего насилия оказалась такой сильной, что палач Махоркин отказался исполнять свои обязанности — казнить крестьян, которые забили до смерти Петра Николаевича Свентицкого. (Линии III и I слились — отказ от насилия, прекращение «круга сансары».)

Но это еще не все, хотя осталось немного. Махин, тот самый гимназист, который подделал купон, стал судебным следователем в том округе, где судили Степана, и его поразило, «что это человек вполне свободный, нравственно недостижимо высоко стоящий над ним». То есть опять-таки произошло *очищение* (одна из буддийских добродетелей), даже у Махина.

Лиза Еропкина, которая ухаживала за Махиным, будучи богатой невестой, отказывается от своего имущества (тема «Толстой и Витгенштейн»), чтобы проверить его любовь, а жена Петра Николаевича Свентицкого, забитого крестьянами, Наталья Ивановна, отказывается от идеи мщения за мужа, когда узнает, что палач Махоркин отказался казнить крестьян. Об этом ей рассказывает становой. Вместе они составляют телеграмму царю с просьбой простить крестьян. Царь сначала посмеялся, но ночью ему приснился сон: «Три виселицы» и голос: «Твоя работа! Твоя работа!» — и царь (это был, очевидно, Николай II) впервые задумался об ответственности, которая на нем лежала перед народом.

У Евгения Михайловича Смоковникова, который когда-то дал сыну купон на два с половиной рубля, между тем, «дела шли все хуже и хуже». А вор, бывший дворник Василий, который тем временем убежал из тюрьмы, украл «у купца Краснопузова миллион» и прислал в конверте Евгению Михайловичу «четыре сторублевых бумажки» («Возвращаю проклятые деньги» — привет от М. А. Булгакова — «Мастер и Маргарита»). Толстой пишет: «Слезы выступили у него на глазах». (Как известно, Лев Николаевич любил поплакать — отсюда такое неравнодушное отношение к истерическому дискурсу.)

Прошло 10 лет. Митя Смоковников был инженером с большим жалованьем и встретил на рудниках Степана Пелагеюшкина, про которого ему сказали, что несмотря на то, что тот «сгубил 6 душ, он святой человек», «и Митя задумался и... сблизился с отцом» («Имя Отца»!).

6. Резюме. Как же педантизм связан с магией?

Ход наших рассуждений был таков.

1. **Малиновский:** *«Магия требует строгого соблюдения множества условий: точное воспроизведение заклинания, безукоризненное исполнение обряда, неукоснительное следование табу и предписаниям, которые сильно сковывают мага. Если одно из многочисленных условий не выполняется, магия не удастся».*

2. **Фенихель:** *«Мышление имеет для компульсивных невротиков особую ценность, что часто заставляет их очень высоко развивать свой интеллект. Однако их высокий интеллект наделен архаическими чертами, он преисполнен магией и суеверием. Это у них расщеплено: одна его часть логическая, другая — магическая. Симптоматика компульсивных неврозов исполнена магическими суевериями, такими, как компульсивные пророчества и жертвоприношения.*

3. *Точность исполнения действия так же важна в компульсивных ритуалах и суевериях, как и в бытовом педантичном поведении компульсивных людей. То есть если не соблюсти точного до педантизма исполнения всех мельчайших подробностей ритуала, то он не будет иметь силы. Например, при совершении заговора или заклинания важно соблюсти точную формулу, произнести ее определенное количество раз.*

4. *Педантизм, аккуратность, будучи анально-садистичны по своим истокам, связаны с садистичностью магии. Фрэзер:* «Если человек желает вызвать боль, болезнь

и смерть другого, он идет к знахарю, имеющему этот фетиш, и, заплатив ему, пронзает гвоздем или ножом то место, в котором желает вызывать боль у своего врага. Удар ножом в жизненно важную часть приводит к мучительной смерти врага этого человека; укол гвоздем в плечо, локоть или колено вызывает острую боль в этом суставе и показывает, что человек не желает убить своего врага, а хочет вызвать у него ревматизм, нарывы или подобные недуги».

5. *Каким образом садизм связан с пунктуальностью? Огромную роль при Obsessive игра-ет отцовское Суперэго, оно является как источником педантизма, так и источником садизма, а в определенном смысле и источником магии. Obsessive невроз — это «отцовский невроз», так как именно отец в первую очередь начинает играть все большую роль в жизни ребенка после прохождения им орального периода, когда основополагающую функцию для младенца выполняла мать и материнская грудь. Именно от отца исходят команды и запреты, которые к исходу Эдипова комплекса становятся командами и запретами Суперэго. Но Obsessive отцовское Суперэго играет по преимуществу анально-садистский характер. Именно отец, а не мать в большинстве случаев приучает ребенка пользоваться горшком, приучает его к туалетной морали. Ференци: ребенок в анальный период обладает галлюцинаторным (и не только) всемогуществом (статья «Ступени развития чувства реальности»). Ребенок сам решает — отдать ему анальный подарок родителям или удержать его.*

5. *Педантизм (сверхаккуратность) компульсивных связан с чистотой. Действительно, мезофобия, боязнь загрязнения, с бесконечным мытьем рук, чрезвычайно характерна для компульсивных. Связь чистоты с аккуратностью и педантизмом и грязи с неаккуратностью и анальностью очевидна. Точность мы отождествляем с чистотой. Мы говорим «эта работа сделана удивительно чисто», имея в виду точность, аккуратность ее исполнения. И наоборот, существует выражение «грязный стиль», под которым имеется в виду неточный неаккуратный, не соответствующий каким-то нашим стандартам стиль.*

6. *Но грязь для компульсивных также теснейшим образом связана с сексуальностью. Пациент Вячеслава Цапкина, по его устному сообщению, отождествлял грязь, которая находится на полу, по метонимическому соотношению, с «половой грязью». Ненси МакВильямс: «Человек, с которым я проводила первичное интервью, на вопрос о характере его сексуальных отношений с женой мрачно и с нажимом ответил: «Эту работу я выполняю»».*

7. *Почему же компульсивные относятся к сексу с таким отвращением? Потому что секс связан для них с анальной сферой, например, с анальной мастурбацией, к которой часто прибегают маленькие дети на соответствующей стадии психосексуального развития, отчего у них действительно становятся грязные и дурно пахнущие руки. Фенихель: «Физиологическая разрядка сексуальной активности пациентов не является адекватной разрядкой сексуального напряжения, которое реально выражается в их представлении о жестокости и грязи <...> Некоторые компульсивные невротики воспринимают сексуальность только в анальных понятиях, будто она сводится к туалету».*

Фрейд: «акт дефекации доставляет им удовольствие». Удовольствие от дефекации, наслаждение от дефекации и формирует анально-компульсивный характер и невроз навязчивых состояний. В дальнейшем благодаря реактивному образованию весь этот анально-сексуально-садистический комплекс начинает вызывать у взрослого компульсивного человека отвращение. Отсюда отвращение к сексу.

8. *К анальности закономерно примешивается садизм.* Возможно, что здесь также играет роль садистское истолкование ребенком «первосцены»: когда он наблюдает за половыми сношениями родителей, ему кажется, что отец совершает садистское насилие над матерью. Каким же образом чистота как эквивалент аккуратности и педантизма связана с магией? Итак, чистота — это антианальность, антисексуальность, антисадизм. Можно сказать, что магия разделяется на «черную», связанную с садизмом, в частности, убийством, и «белую», связанную с лечением, например, заговор на лечения каких-либо органов тела или болезней. Если следовать логике фрейдовского «Тотема и табу», «черная магия», желание смерти отцу, королю, священнику, привела однажды к убийству членами первобытной орды общего отца и ритуальной трапезе его поедания. Примерно такую же роль играет анальное всемогущество мыслей: «Я подумал, что он умрет, и он сразу умер».

9. *Почему всемогущество мыслей с садистическим оттенком анально?* Это связано с идеей того, что фекалии «исчезают» в унитазе, как полагает ребенок. Уничтожение фекалий = анальный садизм = тяга к убийству. Мы говорим: «грязный убийца», «грязный преступник», «грязная личность».

Отсюда можно сделать шаг к садистам-убийцам, маньякам, которые, как известно, чрезвычайно пунктуальны! Они либо совершают преступления в соответствии со строго продуманным ритуалом или делают это по-разному, но тогда с педантично продуманной системой.

10. *В чем же здесь механизм магии, и как она связана с «педантизмом» навязчивого повторения?»* **Кемпинский:** «Чертой магии является непропорциональное взаимоотношение причины и следствия; малое усилие — движение руки, произнесения проклятия — дает непредвиденный эффект».

Оно возникает из одной точки (ср. этимологическое родство слов «точка» и «точный») — точка должна быть в определенном месте, точно, «педантично» зафиксирована (ср. выражение «попасть в самую точку»; также от немецкого punkt (точка) развилось слово *пунктуальный*; соотносительность слов *точка*, *точный* и *ткнуть* и в этой связи о половом акте: ткнуть, то есть проникнуть внутрь). Человек прокалывает в строго определенном месте фигурку из воска гвоздем — и совсем в другом пространстве, далеко от этого человек умирает. Недаром эта магия называется гомеопатической: она маленькая, *точечная*, но за то какая *точная* и какая эффективная! Итак, из «педантичной» точки в маленьком пространстве «здесь» (нажатие кнопки, прокалывание восковой фигурки гвоздем) вырастает огромное, как правило, гибельное следствие (смерть человека, ядерный взрыв с гибелью миллионов людей).

11. *Магия — это оказание какого-то воздействия на судьбу, то есть на цепь якобы случайностей, которые на самом деле оказываются необходимостью.* Слово «необходи-

мость», принадлежащее алетической модальности, похоже на слово «точность». Ср. «Он *точно* придет» и «Он с необходимостью придет». Так же здесь имеется сходство с модальностью нормы, деонтической: «Он точно придет» значит, что он *должен* прийти — и также сходство с аксиологической модальностью ценности (хорошо — плохо): «Он должен прийти, значит, он *хочет* прийти» (кстати, именно такова логика ананкаста: «Я должен хотеть»).

12. Как ананкасты влияют на судьбу? Они делают это при помощи своеобразного гадания. Код ананкаста — бинарный код: налево пойдешь, коня потеряешь, направо пойдешь, полцарства найдешь. Компульсивный человек видит во всем знаки: благоприятные или неблагоприятные. Мир полон примет. Пустое ведро или полное — это значит: можно идти или нельзя. Это означает, в частности, что семиотика обсессивно-компульсивного носит деонтический характер, существует в режиме «можно», «нельзя» или «должно».

13. **Ганнушкин:** «Ананкастичность есть проявление педантизма, только перешедшее уже известную грань». Именно эта трансгрессия, переход через границу, и есть мистицизм, магичность ананкастов.

14. В наших рассуждениях упущено одно звено. Мы не говорили о связи *языка* и магии, и при этом мы исходили из неверной посылки, что магический архаичный язык, тот же самый, что и современный. Для доказательства обратного нам теперь придется привести обширную цитату из статьи А. Ф. Лосева «О пропозициональных функциях древнейших лексических структур»: мы будем нумеровать фрагменты из Лосева, так как в них одно следует из другого:

14.0. Если бы мы захотели начать с наиболее древнего архаического строя предложения, то нам предстояло бы, прежде всего, расстаться с нашим обычным синтаксисом, характерным для индоевропейских языков, где предложение даже не имеет еще своих выработанных членов, и даже еще не имеет четко выраженных частей речи.

14.1. Этот синтаксический строй в настоящее время получил название *инкорпорированного* (от латинского выражения *in corpore*, что значит «в целом, целиком, без разделения»). Сущность его заключается в том, что речь здесь еще не знает отдельных частей речи и отдельных членов предложения. Предложение строится здесь путем простого комбинирования разных основ или корней без всякого их морфологического оформления, путем простого нанизывания, в результате чего и образующиеся из них предложения являются в то же самое время ничем иным, как одним словом. Инкорпорация есть, таким образом, комплексное слово-предложение.

14.2. Так, например, в колымском диалекте одульского (юкагирского) языка мы имеем такую фразу: *asayulsoqomoh*, где *asa* — означает «олень», *yuol* — «видение», и *soqomoh* — «человек». Другими словами это есть «олень-видение-человек», что в переводе на русский язык означает «Человек увидел оленя».

14.3. Отсутствие морфологии в инкорпорированном грамматическом строе свидетельствует о том, что инкорпорированное мышление оперирует исключительно только бесформенными, расплывчатыми, не анализируемыми чувственными пятнами.

14.4. Что такое отсутствие разницы между основой слова и ее оформителями с точки зрения мышления? Ведь это же есть ни что иное, как отсутствие различия между сущностью и явлением.

14.5. В инкорпорированном синтаксисе отсутствует не только изменение слов, но и вообще разделение их на части речи. Часть речи — есть языковое выражение и практическое осуществление в речи логических категорий.

14.6. Ясно, что отсутствие частей речи в языке соответствует отсутствию логических категорий в мышлении, а отсутствие логических категорий в мышлении есть отсутствие для такого мышления и в самой действительности подобного же рода противопоставление вещей и их свойств, качественных и количественных, их действий и пр.

14.7. Что значит субстанциональное присутствие целого в своей части? Это значит, что с уничтожением или устраниением данной части уничтожается или устраняется само целое. Если это целое действительно присутствует в части как таковое, то есть субстанционально и нумерически, а не только внешне и не только видимо, то, конечно, оно должно погибать вместе с гибелью этой одной части. Однако где же в действительности мы находим такие вещи, которые бы характеризовались подобным отношением целого и частей? Такие вещи суть только живые организмы, организмы жизни.

14.8. А теперь мы дадим название той идеологии и той логике, которая вырастает в связи с инкорпорированным строем предложения. Эта идеология и эта логика есть мифология. Ведь мифологией мы называем именно понимание всего неживого как живого и всего механического как органического.

14.9. Говоря вообще, для инкорпорированного мышления все решительно и целиком присутствует или, по крайней мере, может присутствовать во всем. Да иначе это и не может быть, поскольку инкорпорированное мышление, с одной стороны, не способно ничего расчленивать, т. е. всюду мыслит все, что можно, сразу и одновременно; а с другой — оно не было бы и мышлением, если бы не отличало одной вещи от другой. Отсюда-то и вытекает эта логическая разгадка первобытного мышления на ступени инкорпорации, сводящая его на этот принцип «все во всем» [Лосев 1982: 250–251, 254–255, 257–259, 261].

Эта ретардирующая цитата была необходима для того, чтобы мы могли задуматься о роли языка в психодинамике и метапсихологии обсессивно-компульсивных расстройств. Там происходит регрессия, конечно, не такая глубокая, как та, о которой пишет Лосев. Он пишет о регрессии до уровня «додефренцированности», как бы выразился финский психоаналитик Вейкко Тэхкэ [Тэхкэ 2003], то есть до уровня шизофренического мышления. Конечно, обсессивно-компульсивное мышление гораздо более дифференцированно, но тем не менее оно регрессировало на догенитальный уровень. Конечно, ребенок на анально-садистической стадии может нормально говорить на современном языке. Но когда взрослый регрессирует до «всемогущества мыслей», а это ведь может быть не обязательно обсессивный невротик, но и шизофреник; следует помнить, что архаическими истоками этой стадии мышления: отражение всего во всем — был именно изначальный инкопротирующий строй. Этому соответствует архаическое галлюцинаторное «всемогущество» ребенка, о котором писал Шандор Ференци в статье «Ступени развития чувства реальности» [Ференци 2000].

Нам кажется теперь мы ответили на вопрос о соотношении педантизма и магии, проследив все логические связи. Мы закончим строками из Давида Самойлова, которые являлись эпиграфом к нашему исследованию:

Но внешний мир — он так же хрупок,
Как мир души. И стоит лишь
Невольный совершить поступок:
Задел — и ветку оголишь.

Литература

- Бартли У. Витгенштейн // Людвиг Витгенштейн: Человек и мыслитель / Сост. В. Руднев. М., 1994.
- Брилл А. Лекции по психоаналитической психиатрии. Екатеринбург, 1998.
- Бройер Й., Фрейд З. Исследования истерии. М., 2005.
- Веберн А. Лекции о музыке; Письма. М., 1972.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
- Ганнушкин П. Б. Избранные труды. М., 1998.
- Деглин В. Д., Балонов Л. Я., Долинина И. Б. Язык и функциональная асимметрия мозга // Учен. зап. Тартуского ун-та. Труды по знаковым системам, т. 16, 1983.
- Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М., 1997.
- Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
- Иванов В. В. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
- Кречмер Э. Об истерии. М., 1996.
- Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или Судьба разума после Фрейда. М. 1997.
- Лакан Ж. Семинары. Кн. 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. М., 2003.
- Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1994.
- Остин Дж. Как производить действия при помощи слов? М., 1999.
- Паскаль Ф. Витгенштейн: Личные воспоминания // Людвиг Витгенштейн: Человек и мыслитель / Сост. В. Руднев. М., 1994.
- Пропп В. Я. Кумулятивная сказка // Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Л., 1976.
- Райх В. Анализ характера. М., 1999.
- Риман Ф. Основные формы страха. М., 1998.
- Руднев В. Текст и реальность: Направление времени в культуре // Wiener slawistischer Almanach, 17, 1986.
- Руднев В. Поэтика деформированного слова («Война и мир» и Анна Каренина) // Даугава, 10, 1988.
- Руднев В. Морфология реальности: Исследование по «философии текста». М., 1996.
- Руднев В. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. 2000.
- Руднев В. Обсессивный дискурс // Логос, 3 (13), 2000а.
- Руднев В. Метафизика футбола: Исследования по философии текста и патографии. М., 2001.
- Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001а.
- Руднев В. Характеры и расстройства личности: Метапсихология и патография. М., 2002.

- Руднев В. Божественный Людвиг: Витгенштейн — формы жизни. М., 2002а.
- Руднев В. Тайна курочки Рябы: Безумие и успех в культуре. М., 2004.
- Руднев В. Словарь безумия. М., 2005.
- Руднев В. Диалог с безумием. М., 2005а.
- Руднев В. Помни себя! (Г.И. Гурджиев и современная психология). М., 2006 (в печати).
- Сосланд А. И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода. М., 1989.
- Топоров В. Н. О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. М., 1980.
- Топоров В. Н. Числовой код в заговорах // Заговорный текст: Генезис и структура. М., 2002
- Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика, 8, М., 1977.
- Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.
- Фрейд З. Тотем и табу. М., 1998.
- Фрейд З. Навязчивые действия и религиозные обряды // Russian Imago-2001. М., 2002.
- Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994.
- Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
- Шапиро Д. Невротические стили. М., 2000.
- Якобсон Р. О. Труды по языкознанию. М., 1985.
- Freud S. Inhibitions, symptom and anxiety // Freud S. On Psychopathology. N-Y., 1981.
- Janic A., Toulmen S. Wittgenstein's Vienna. L., 1973.
- Monk R. Ludwig Wittgenstein: The Duty of genius. L., 1990.